

Кто же смог укротить такого упряма, как Ци Шань? Это вызывало у него любопытство.

— Мой отец вчера закончил делать два браслета, Фан Сянь выбрал один. Остался еще один, — Чжуан Линь достал из кармана браслет из белых бусин бодхи, каждая из которых была идеальной формы и имела яркий блеск. Белые бусины были переплетены красными нитями. — Это четки из «кровавого» бодхи. Чем дольше их носить, тем краснее становятся эти нити.

Шэнь Чжоу взял браслет, проводя пальцами по неровным белым бусинам:

— Вы очень заботливы.

— Дедушка беспокоится о тебе, боится, что ты слишком много... ну, сам понимаешь. Носи это, чтобы руки были заняты, — Чжуан Линь погладил бусины. — Их можно тереть мочалкой или просто руками.

Пот, соприкасаясь с поверхностью бусин, создает маслянистый аромат, а после высыхания образуется патина, и браслет становится еще красивее.

Шэнь Чжоу намотал браслет на запястье:

— Неплохо смотрится.

— Конечно, красиво.

Шэнь Чжоу иногда завидовал Чжуан Линю. Его семья занималась антиквариатом, и ему это нравилось. Заниматься любимым делом — Чжуан Линь мог целый день сидеть в магазине, не уставая, с чашкой чая в руке и книгой о боевых искусствах, словно юноша из древних сказаний.

— Сегодня я не пойду на вечерние занятия, — Шэнь Чжоу покрутил браслет. — Хуайюй-гэ хочет со мной поговорить.

— Опять про группу? — Чжуан Линь похлопал его по плечу. — Твоя мама... она же не любит, когда ты связываешься с Хуайюй-гэ...

— Ей много чего не нравится, она и меня-то не любит, — Шэнь Чжоу с раздражением нахмурился и пнул камень на дороге. — Главное, что мне нравится, а ее мнение тут ни при чем.

— Ты точно не хочешь найти нового учителя по фортепиано? — Чжуан Линь ткнул его в бок.

— Не хочу, — Шэнь Чжоу, засунув руки в карманы, посмотрел вперед, резко пнул камень и, наблюдая, как он улетает далеко, произнес глухо. — Пусть все идет к черту.

Шэнь Чжоу начал увлекаться тяжелой музыкой и роком еще в средней школе.

Тогда он носил наушники и целыми днями слушал SLAYER, идя по улице с каменным лицом, хотя в ушах у него была какофония криков и воплей. Грубый, песчаный вокал SLAYER отсекал все лишние звуки. Эта музыка была как твердое ядро, которое пронзало его сердце и распространяло волны вокруг.

Слушая это, он словно отравлялся, разлагался, и безнадежно влюбился в рок.

Только в этой шумной мелодии он чувствовал странное облегчение.

Лу Хуайюй был певцом в баре, с которым Шэнь Чжоу познакомился в средней школе.

Они даже создали вместе группу и выступали на нескольких площадках. Но из-за того, что эта музыка была слишком нишевой, они оставались в подполье.

Тогда им приходилось самим оплачивать дорогу на выступления в других городах, и они даже не получали гонораров, а только тратились.

Но они любили это, и поэтому были счастливы.

Позже мать Шэнь Чжоу узнала об этом и устроила скандал, из-за которого всем стало неловко. Лу Хуайюй посоветовал ему сосредоточиться на учебе и временно оставить музыку, и с тех пор Шэнь Чжоу больше не выступал с группой.

На этот раз Хуайюй-гэ внезапно попросил его подменить, и Шэнь Чжоу не знал, что произошло.

Когда он подошел к площади, то позвонил ему.

— Гэ, ты где?

Шэнь Чжоу сделал несколько шагов по открытой площади.

— Я у той скульптуры, видишь меня? Эй, я здесь.

Издаലെка к нему шел молодой человек в кожаной куртке с заклепками, помахав рукой:

— Ачжоу.

— Эй, не называй меня так, — Шэнь Чжоу потер руку. — Мурашки по коже.

— Я хотел устроить сцену из романтического романа, а ты сразу разрушил атмосферу, — Лу Хуайюй взглянул на его школьную куртку. — Ты собираешься в этом выступать?

— А что, нельзя? — Шэнь Чжоу улыбнулся. — Начну с «Давай, грести веслами», такой чистый и свежий.

— Не болтай, — Лу Хуайюй похлопал его по плечу. — Сними куртку, сначала разомнись, ты же давно не играл на барабанах, руки наверняка затекли.

Шэнь Чжоу сбросил куртку и бросил ее на каменный парапет рядом с площадкой, подошел к барабанной установке за сценой. Поднял с пола палочки, подбросил их в воздух и поймал.

Он сыграл несколько простых ритмов, чтобы вернуть себе ощущение.

Ци Шань вечером ехал на мотоцикле, развозя заказы, и проезжал мимо площади.

В центре площади была установлена крутая сцена, вокруг которой собралось много людей, наблюдавших за выступлением. Похоже, это был благотворительный концерт для сбора средств в помощь горным районам.

Ци Шань мельком взглянул и сразу заметил знакомую фигуру.

За барабанами сидел Шэнь Чжоу.

На нем была та же черная кофта, что и утром, с вышитой красной розой на поясе, ветви которой тянулись до плеч.

В школьной форме эта вышивка была не видна. Шэнь Чжоу был стройным и худощавым, поэтому одежда на нем сидела немного мешковато, придавая ему непринужденный вид. В этой кофте он выглядел очень стильно, но при этом совсем не женственно.

Его тонкие ключицы были обнажены, словно ущелье, а бледное лицо на фоне черной кофты казалось еще более красивым.

Ци Шань сидел на мотоцикле, и его обзор был шире, чем у многих.

Лицо Шэнь Чжоу под светом софитов было бесстрастным, и когда зазвучала музыка, он холодным взглядом окинул зал. Затем, опустив голову, начал бить в барабаны в такт.

Ритм был мощным, а темп четким.

Тело Шэнь Чжоу раскачивалось в такт, его лицо, скрытое в мерцающем свете, было словно высечено из камня, с резкими чертами и сильными линиями, каждая из которых была выгравирована с мастерством.

*

□Я устал от этого времени□

□От обмана и разложения□

□Я устал от этого времени□

□От пустоты и безнадежности□

□Бог создал этот мир□

□Не для того, чтобы его разрушить□

□Я хочу только свой мир□

*

Ци Шань прищурился и закурил. Ему казалось, что этот черноволосый юноша на сцене, кричащий в микрофон, пел о своем мире.

Когда выступление подходило к концу, телефон Ци Шаня вдруг зазвонил. Дома прислали сообщение.

[Брат, приходи домой ужинать. □б♀@#*a&jdhdbjjs]

Сюаньсюань только пошел в школу и старательно ставил все знаки препинания. А этот набор символов в конце выглядел так, будто он ударил лицом по клавиатуре. Ци Шань сунул телефон в карман, повернул ручку мотоцикла и быстро поехал домой.

Когда он пришел, второй дядя и Сюаньсюань уже сидели за каменным столом во дворе, на котором стояли блюда. Дедушка с палочками в руках хотел взять сладкий картофель, но Сюаньсюань отшлепал его руку.

— Подожди, пока брат сядет, — серьезно сказал Сюаньсюань.

— Ничего, ешьте сами, — Ци Шань помыл руки и, увидев, что все ждут его, сразу сел.

Дедушка с тоской посмотрел на корзину со сладким картофелем:

— Дашань, дай мне морковку.

Ци Шань взглянул на картофель, взял его и положил перед дедушкой:

— Такой большой яблоч, а вы называете его морковкой.

Дедушка показал на свой рот:

— Я не могу говорить.

У дедушки была старческая деменция, и он часто путал слова, но Ци Шань уже привык к этому.

— Ладно, ешьте. Не говорите, — Ци Шань взглянул на второго дядю, который ел, и рассказал о последних событиях. — Мы разделились на гуманитарные и естественные науки, я остался в своем классе, выбрал естественные.

— Хорошо, — у второго дяди давно не стриженные волосы спадали на лоб, закрывая половину глаз, а щетина на лице торчала в разные стороны, поэтому Ци Шань не мог разглядеть его выражение.

После ужина второй дядя, прихрамывая, встал и ушел, помахав Ци Шаню:

— Дашань, я пошел в магазин.

— Хорошо, — Ци Шань доел оставшуюся еду, убрал со стола и пошел на кухню.

После ужина они втроем сидели во дворе и болтали, Сюаньсюань, лежа на каменном столе, делал домашнее задание. Его пухлые ручки, похожие на ломтики лотоса, лежали на тетради, а он серьезно подпирал щеку, размышляя над задачей.

— Сюаньсюань, тебе не холодно? — Ци Шань не понимал, почему Сюаньсюань так плохо чувствовал температуру. Все уже надели куртки, а он все еще ходил в футболке.

Сюаньсюань уверенно покачал головой.

Ци Шань нахмурился, чувствуя непонятную грусть.

<http://bllate.org/book/16828/1547423>